

АЛЕКСЕЙ ЧЕРНЯВСКИЙ

ГРЕХИ ВЫСШЕГО ОБЩЕСТВА

КНИГА 4. ПРЕСТОЛ

18+

Алексей Чернявский
Грехи высшего общества.
Книга 4. Престол
Серия «Dark romance», книга 4

*<https://litres.ru/74607388>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Мы сломали британских лордов, выжгли картели во льдах Арктики и поставили на колени Уолл-стрит. Нам казалось, что империя принадлежит нам.

Но в тишине закрытого пентхауса на стол лег черный конверт с гербом Кремля. Нам предложили отдать контрольный пакет и склонить головы перед теми, кто правил этой страной из тени тридцать лет. Либо подготовиться к войне на уничтожение.

Они привыкли, что перед ними трепещут министры и олигархи. Но Кирилл Северский не умеет отдавать свое. А я больше не испуганная наследница долгов — я соправительница континента, держащая за горло все его артерии.

Мы не станем делить эту власть. Мы придем в Кремль и заберем сам престол.

Финальный, четвертый том грандиозной остросюжетной саги «Грехи высшего общества». Битва за престол великой державы, абсолютная власть и любовь, ставшая законом империи. 18+

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Алексей Чернявский

Грехи высшего общества.

Книга 4. Престол

Глава 1

В гостиной пентхауса на Крестовском острове стояла такая плотная, свинцовая тишина, какая бывает в эпицентре взрыва за секунду до прихода ударной волны.

За трехметровыми панорамными стеклами валил густой, тяжелый декабрьский снег. Финский залив спал под белым ледяным саваном, сосны Приморского парка Победы казались застывшими черными исполинами, а на полированном сланцевом полу у дивана дотлевали малиновые угли камина из дикого базальта.

На низком столике из черного кварцита лежал лист плотной гербовой бумаги с водяными знаками кремлевской канцелярии.

Рядом валялся вскрытый тяжелый конверт из черного сафьяна с золотым тиснением государственного орла и срезанными сургучными печатями фельдъегерской спецсвязи: *«Особая папка. Лично в руки. Без права копирования»*.

Строки, выведенные черными чернилами каллиграфиче-

ским, убористым почерком, казались выжженными на сетчатке:

«Абсолютная власть в этой стране не делится на двоих.

Вам предстоит сделать финальный выбор: Либо добровольная передача пятидесяти одного процента акций холдинга под прямой скипетр верховной власти и статус почетных наместников... Либо лобовая, беспощадная схватка за сам государственный трон России.

Третьего пути нет.

Готовьтесь к инаугурации. Или к войне».

Агния сидела на краю дивана, сбросив кашемировый плед на пол.

На ней было простое домашнее платье из тонкого черного шелка на тонких бретелях, открывавшее мраморную белизну ключиц и тонкий серебристый след зажившего ранения. Ее темные шелковистые волосы волнами рассыпались по обнаженным лопаткам. В тонких пальцах она держала остывшую чашку чая, но не делала ни глотка.

Ее взгляд — темный, расширенный, лишенный сна — был прикован к личной монограмме внизу письма: переплетенным золотым буквам, обозначающим не фамилию министра или генерала, а символ закрытой структуры, о существовании которой не знали даже в правительстве.

— «Коллегия Семи», — негромко произнесла она. Голос прозвучал с пугающей, хрустальной сухостью, разрезав тишину, как скальпель. — Это не распоряжение Администра-

ции Президента, Кирилл. И не решение Совета Безопасности.

Она подняла глаза на мужа: — Это письмо от тех, кто создал саму систему.

Кирилл стоял у панорамного окна, заложив руки в карманы темно-серых брюк.

Его белая сорочка была расстегнута на три верхние пуговицы, открывая мощную шею и рельефные ключицы. Рукава были закатаны до локтей, обнажая старые белесые шрамы от огня на левом предплечье. В свете камина его профиль казался высеченным из темного приморского гранита: тяжелая челюсть сжата так, что на висках пульсировали вены, серые глаза неотрывно смотрели на заснеженные огни ночного Васильевского острова на противоположном берегу Малой Невы.

Он медленно повернулся, подошел к столику и наступил босой ногой на край сброшенного пледа.

Его взгляд скользнул по черному сафьяну: — В девяносто первом году, когда рушился Союз, семеро человек — трое секретарей ЦК, двое генералов Первого главного управления КГБ и двое теневых финансистов Госбанка — подписали закрытый пакт о преемственности. Они не пошли в открытую политику. Они создали закрытый Ареопаг, оставив за собой право утверждать каждого премьера, контролировать тайные золотые эшелоны и сбрасывать неугодных олигархов в небытие.

Северский наклонился над столом, оперся кулаками о кварцит: — Барышев в Москве, Оболенский в Смольном, даже твой отец и лорд Харрингтон в Лондоне... Они были всего лишь фасадными управляющими. Собаками на поводке. Ареопаж спустил их с цепи, чтобы переломить нас, но мы выбили им зубы по очереди.

Кирилл выпрямился, и в его голосе загремела та самая глухая, первобытная ярость, которая не оставляла пленных: — Мы забрали у них сто сорок миллиардов евро в Альпах. Мы забрали сто двадцать тонн золота в Шанхае. Мы выкупили их биржу на Уолл-стрит. И теперь старики в Кремле поняли, что потеряли контроль над собственной страной.

— Они не предлагают компромисс, Кирилл, — Агния опустила чашку на блюде с коротким фарфоровым звоном.

Она поднялась на ноги, шелк платья заструился вдоль ее стройного тела: — Пятьдесят один процент акций «Север Ассетс» означает смену состава совета директоров за двадцать четыре часа. На следующий день после подписания они признают наши швейцарские эскроу-счета токсичными, аннулируют право первой подписи и изолируют нас в закрытом санатории под Барвихой без права связи с внешним миром. А через полгода в прессе появится некролог о трагической гибели молодых супругов-миллиардеров от утечки газа.

Она подошла к нему вплотную, остановившись в полшаге. Ее ладони легли на его широкую грудь, ощущая сквозь тонкий хлопок сорочки мощный, размеренный стук

его сердца: — Они не простят нам то, что мы отказались встать на колени перед их декретами. Они заставят нас заплатить за каждую секунду их страха.

Кирилл медленно поднял руки, его ладони — тяжелые, сухие, горячие — легли на ее обнаженные лопатки, притягивая ее к себе с сокрушительной силой.

Он наклонился, его губы коснулись линии ее челюсти, обжигая чувствительную кожу дыханием: — Они опоздали с ультиматумом на четыре месяца, Агния. В августе они могли сломать испуганную девочку с фальшивым векселем и контуженного рейдера с Балтийского завода. Но сегодня перед ними стоит сила, способная обесточить эту страну щелчком тумблера.

Он вперился взглядом прямо в ее темные ореховые глаза: — Ты готова войти в их Кремль не просительницей, а судьей?

На губах Агнии заиграла та самая ледяная, надменная улыбка, перед которой вчера в Нью-Йорке дрожали сенаторы и банкиры Уолл-стрит: — Я готова стереть этот Ареопаг в пыль, Кирилл. До самого фундамента.

В два часа ночи кабинет пентхауса превратился в штаб закрытой военной операции высшего уровня секретности.

За длинным столом из черного сланца сидели трое: Кирилл, Агния и начальник службы безопасности Глеб.

Глеб сменил парадный костюм на строгий темно-серый свитер и тактические брюки, его кобура с автоматическим

«Стечкиным» открыто висела на плече.

Перед Агнией стоял армейский ноутбук, подключенный к защищенному спутниковому терминалу через квантовый шифратор контрразведки. На стене над столом мерцал широкоформатный монитор, на котором разворачивалось закрытое досье под грифом: «*ОСОБАЯ ПАПКА / ОБЪЕКТ "АРЕОПАГ-7"*».

Агния вскрыла архив, используя алгоритмы погибшего следователя Воронова и титановый мастер-ключ Марка, снятый с тела брата на шестнадцатой линии.

— Смотрите сюда, — ее пальцы быстро вывели на экран семь портретов.

Семь пожилых мужчин с холодными, лишенными эмоций лицами советской номенклатурной закалки: — Лидер коллегии — **Аркадий Вадимович Шелехов**. Восемьдесят один год. Бывший первый заместитель начальника Пятого управления КГБ СССР, ныне — негласный почетный председатель закрытого фонда ветеранов госбезопасности «Щит Отечества». Человек, который лично курировал назначение трех последних генеральных прокуроров и двух директоров ФСБ.

Она перевернула виртуальную страницу: — Номер два — **Савелий Морозов**. Семьдесят восемь лет. Бывший председатель правления Внешэкономбанка СССР. Контролирует сеть теневых клиринговых палат на Кипре и в Ливане, через которые тридцать лет финансировались перевороты и заказные банкротства.

Агния показала финансовую диаграмму: — Остальные пятеро — это кураторы оборонного комплекса, Гохрана и закрытой транспортной инфраструктуры специального назначения. Именно они стоят за созданием картеля «Альтаир» и именно они давали директивы покойному Барышеву.

— Где их уязвимость? — Кирилл оперся ладонью о край стола, не сводя глаз со снимков.

— В их собственном золоте, — в глазах Агнии вспыхнул тот самый опасный аналитический азарт, который превращал ее из хрупкой женщины в карающий меч.

Она приблизила выписку из закрытых реестров Центрального банка РФ: — В девяносто третьем году, во время хаоса в Москве, «Коллегия Семи» оформила тайный трастовый акт номер ноль двадцать два: сорок процентов золотого резерва Государственного хранилища — триста двадцать тонн физического золота — были тайно списаны как «потери при транспортировке» и переведены на баланс закрытого швейцарского фонда *Helvetia Security Vaults* в кантоне Ури.

Она постучала ногтем по экрану: — Все эти тридцать лет Ареопак держал высших руководителей страны на крючке именно этим золотом: они угрожали вбросить эти объемы на мировой рынок и обвалить рубль до нуля в любой удобный момент. Но они совершили фатальную ошибку: управляющим швейцарского фонда числился граф Генрих фон Валленштейн. Тот самый старик, чью базу на острове Большевик мы подорвали двое суток назад.

Кирилл выпрямился, его челюсти сжались в хищном оскале: — А цифровые ключи от швейцарского фонда Валленштейна?..

— Лежат в моем дипломате, — Агния открыла сейфовый отсек своего ноутбука. — Я сняла дампы его серверов за пять минут до того, как база «Олимп» рухнула в океан. Юридически и фактически право первой и единственной подписи под золотым трастом Ареопага принадлежит мне.

Она посмотрела на мужа: — Мы держим за горло не просто их миллиарды. Мы держим в руках компромат, который уничтожит их имена в истории за один телевизионный эфир.

Глеб тяжело выдохнул, покачав головой: — Шеф, это приговор. Если Шелехов поймет, что эти документы у вас... они бросят на ликвидацию все оставшиеся штурмовые спецподразделения столицы. В Москве введен комендантский час для правительственных трасс.

— Нас ждут в четверг в полдень в Георгиевском зале, — произнес Кирилл. — Шелехов уверен, что у него есть шесть дней, чтобы подготовить капкан. Он ждет, что мы будем дрожать в Петербурге и торговаться за доли процента.

Северский повернулся к начальнику безопасности: — Мы не станем ждать четверга, Глеб. Мы выдвигаемся в Москву сегодня ночью.

— На самолете? — нахмурился Глеб. — После инцидента под Клином небо над Тверской областью контролируют расчеты ПВО, завязанные на людей Морозова. Любой прави-

тельствственный борт могут «случайно» сбить системой своей-чужой.

— Никаких самолетов, — отрезал Кирилл. — Мы пойдем по земле. Подготовь бронированный литерный спецпоезд фонда «Северный Экспресс» на закрытом терминале Витебского вокзала. Четыре вагона: бронекапсула шестого класса, автономный генератор РЭБ и платформа сопровождения с двумя бронеавтомобилями «Тайфун».

Кирилл впери́л в безопасника стальной взгляд: — Никаких пассажирских расписаний. Идем по закрытой правительственной ветке Октябрьской железной дороги с приоритетом «Литер-А». В шесть утра мы должны войти на Ленинградский вокзал Москвы.

— Принято, шеф, — Глеб поднялся, застегнул куртку и быстрым шагом покинул кабинет.

В половине четвертого утра в пентхаусе снова воцарилась тишина.

До выезда бронеколонны на Витебский вокзал оставалось меньше сорока минут.

В гостиной горел лишь тусклый свет углей в камине. Агния стояла у каминной полки, одетая в дорожный костюм: приталенные брюки из черной плотной шерсти, шелковая блузка цвета графита и высокий жакет с серебряными пуговицами. На ее пальце мерно охлаждал кожу платиновый ободок кольца.

Она смотрела на огонь, ее плечи были слегка опущены.

Кирилл подошел неслышно.

Он уже надел тяжелое черное шерстяное пальто, под которым скрывался титановый бронежилет и наплечная кобура с «Удавом». Его высокая фигура накрыла ее своей тенью.

Он остановился за ее спиной, его руки — сильные, горячие — бережно легли на ее плечи, скользнули вниз по рукам, переплетая свои пальцы с ее пальцами.

Агния откинула голову назад, прижавшись затылком к его широкой груди, закрыв глаза.

— Ты боишься, Агния? — тихо, прямо в ее ухо спросил он.

В его голосе не было проверки — была бездонная, уязвимая нежность человека, готового принять любой ее ответ.

Агния медленно повернулась в кольцо его рук.

Ее лицо было бледным, но прекрасным, как чеканная платина. Ее тонкие пальцы поднялись, коснулись его жесткой челюсти, скользнули по тонкому заживающему рубцу на левой скуле: — Я боялась только один раз в жизни, Кирилл. Когда на мосту во Владивостоке пуля наемника прошла в сантиметре от твоего виска.

Она заглянула прямо в его серые, потемневшие зрачки: — Я не боюсь их тюрем. Не боюсь их судов и их генералов. Я знаю, кто мы такие. Мы сожгли их картели, очистили Арктику и забрали этот континент себе.

Ее губы дрогнули в едва заметной, пьянящей улыбке: — Я пойду за тобой куда угодно, Кирилл. На плаху или на пре-

стол. Но мы вернемся оттуда со скипетром в руках.

Северский глухо застонал, его руки сомкнулись вокруг ее талии, приподнимая ее над полом, прижимая к своей груди с сокрушительной, первобытной мощью.

Его губы накрыли ее губы.

Поцелуй у догорающего камина на Крестовском острове был глубоким, жадным, полным вкуса соли, терпкого кофе и нерушимой клятвы стоять насмерть. В нем не было места сомнениям. Они были двумя правителями, вышедшими на финальную охоту.

Кирилл отстранился, его глаза горели яростным победным огнем: — Машины поданы, волчица. Пора на вокзал.

В четыре часа утра закрытый грузовой дебаркадер Витебского вокзала Санкт-Петербурга тонул в клубах пара и ледяной метели.

В тупике под навесом стоял специальный бронированный состав «Северный Экспресс».

Четыре вагона матового темно-серого цвета без номеров и ведомственных обозначений. Тяжелые бронированные плиты толщиной в тридцать миллиметров закрывали борта и окна, на крыше головного штабного вагона тускло поблескивали купола комплекса радиоэлектронного подавления «Красуха-Полюс», глушившего любые радиосигналы в радиусе километра.

Тепловоз ТЭП70 с форсированным дизелем гудел на холостых оборотах, выдувая горячий воздух в морозную мглу.

Кортеж из трех «Гелендвагенов» влетел прямо на перрон дебаркадера.

Двенадцать бойцов личной охраны Северского в полном штурмовом снаряжении заняли позиции по периметру состава за двадцать секунд.

Кирилл помог Агнии подняться по стальному трапу в штабной вагон.

Герметичная бронированная дверь захлопнулась с тяжелым механическим лязгом гидравлических ригелей.

Внутри вагона царила атмосфера сухого военного штаба, соединенного с приватным комфортом бронепоезда: рабочий зал с дубовым столом, спутниковые экраны контроля трассы, спальное купе и оружейная комната с полным арсеналом армейского спецназа.

Дизель взревел. Состав плавно стронулся с места, набирая скорость, рассекая колесами стыки рельсов, уходя в темноту ночи — по главному ходу Октябрьской магистрали в сторону Москвы.

Шесть часов утра.

Поезд несясь сквозь Тверскую область на скорости сто шестьдесят километров в час.

За бронированными амбразурами мелькали заснеженные сосны Валдайской возвышенности, укрытые сплошным одеялом метели.

Агния сидела за рабочим столом штабного вагона, делая глоток горячего чая. Рядом стоял Кирилл, изучая графики

движения поезда, непрерывно передаваемые начальником станции Бологое.

Внезапно экран правительственного терминала спецсвязи «Кавказ» на столе вспыхнул тревожным алым транспарантом.

ПИП! ПИП! ПИП!

Высокочастотный зуммер аварийного разрыва закрытого канала разрезал тишину вагона.

На мониторе появилось искаженное рябью помех изображение: Кабинет генерал-майора Селезнева в здании Департамента военной контрразведки на Лубянке.

В кадре не было генерала за столом. Камера мобильного терминала дрожала, транслируя сцену с верхнего угла книжного шкафа: В кабинете стояли шестеро офицеров Центра специального назначения ФСБ «Альфа» в черной штурмовой броне и балаклавах с автоматами наизготовку.

Генерал-майор Селезнев стоял у стены с заломленными за спину руками. На его запястьях защелкивались тяжелые вороненые наручники.

Перед генералом стоял сухой пожилой мужчина в штатском пальто с генеральской каракулевой папашой в руках — заместитель председателя Следственного комитета, входивший в ближний круг Шелехова: — Селезнев Виктор Павлович, вы отстранены от должности по подозрению в государственной измене и пособничестве незаконным финансовым формированиям. Здание управления блокировано. Сдайте

служебное удостоверение.

Селезнев поднял голову прямо на скрытую камеру.

Его обветренное лицо было бледным, но в глазах горела бешеная, последняя ярость. Он успел выкрикнуть в объектив за секунду до того, как связь оборвалась: — Кирилл! Не входи на вокзал! Они вскрыли приказ «Олимп»! Город перекрыт дивизией Дзержинского! Ареопак начал чистку!..

ТРЕСК.

Экран разорвало полосами мертвого белого шума.

Связь с военной контрразведкой в Москве погасла навсегда.

В штабном вагоне бронепоезда повисла могильная тишина.

Только колеса мерно стучали на стыках рельсов: *тук-тук, тук-тук, тук-тук.*

Агния медленно опустила чашку на стол.

Ее лицо стало белым, как снег за бронированной стеной вагона. Селезнев — их единственный щит внутри силового блока столицы — был нейтрализован. Государственная машина перешла в наступление, не дожидаясь четверга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.